

динились, чтобы привнести «светящееся тепло и электричество любви чернокожих подростков в этот взаимосвязанный роман очаровательных, уморительных и душевных историй, которые проливают яркий свет сквозь темноту» [5]. Может быть, этот сборник позволит пробиться росту любви, дружбы, эмпатии, радости через сложное взросление в не самой благополучной среде, враждебную к подросткам и зачастую требующую от них неоднозначного выбора.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Зелезинская Н.С. Подростковая литература как зеркало общества // Вопросы литературы. 2020. № 1. С. 159-175.
2. How Books Can Change Lives: Angie Thomas Interview [Электронный ресурс]. URL: <http://www.youtube.com/watch?v=Oo3hL8G1SFw> (date of access: 07.09.2021)
3. Грин Дж. Виноваты звезды / пер. с англ. О.А. Мышакова. М.: АСТ, 2012. URL: <https://mybook.ru/author/dzhon-grin/vinovaty-zvezdy/read>. (дата обращения: 23.06.2019).
4. Юзефович Г. Английский роман-головоломка, трогательный хоррор и совсем не сентиментальная история о тяжелом детстве Три захватывающих переводных романа для долгих выходных [Электронный ресурс]. URL: <https://meduza.io/feature/2018/11/03/angliyskiy-roman-golovolomka-trogatelnyy-horror-i-sovsem-ne-sentimentalnaya-istoriya-o-tyazhelom-detstve> (date of access: 12.12.2018).
5. Blackout: Everything We Know (So Far) About YA's Biggest Book of 2021 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.epicreads.com/blog/everything-we-know-about-blackout> (date of access: 09.09.2021)

«ОБРАЗНОЕ» И «ПОНЯТИЙНОЕ» ИНФОРМАЦИОННОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ

«FIGURATIVE» AND «CONCEPTUAL» INFORMATION MODELING

С.Ю. Лебедев

S. Lebedzeu

Белорусский государственный университет

Минск, Беларусь

Belarusian State University

Minsk, Belarus

e-mail: sulebe@yandex.ru

Работа представляет собой анализ образного и понятийного типов управления информацией. Исследуются разные типы продукта деятельности человеческого мышления: порожденные образным мышлением модели и модели, порожденные понятийным мышлением.

The work analyses the difference between two types of information management: figurative and conceptual. Different types of human thinking activity products are investigated: models generated by figurative thinking, and models generated by conceptual thinking.

Ключевые слова: образ; понятие; теория сознания; теория познания.

Keywords: image; concept; theory of consciousness; theory of knowledge.

При отнесении тестов разных функциональных стилей к научному, публицистическому или художественному обычно за рамками разговора остается толкование – и, соответственно, понимание – самого главного: терминов «образ», «художественный образ» и «понятие». И термины эти, при кажущейся очевидности их значений, зачастую используют, не разобравшись в их гносеологии и сущности, что и приводит чаще всего к интуитивному их «пониманию», а в лучшем случае – к обыкновенной интерпретации.

На деле действительно очевидным для всех является лишь то, что «родиной» и образа, и понятия является сознание. Не «общественное сознание» и сознание конкретной личности. (Если признать, что сознание является не «родиной» их, а «перевалочным пунктом» на пути из сфер чего-то более сверхъестественного, то вопрос о познании всех «продуктов» этого сверхъестественного снимается в связи с априорной невозможностью понять, но лишь «вчувствоваться» в него. Этим занимается религия.)

И образ, и понятие являются «продуктами» деятельности человеческого сознания, они есть не самодостаточные «вещи в себе», а «пропущенная» сквозь призму сознания реальность – вернее, какая-либо ее «сторона». Но почему «на выходе» деятельности сознания мы имеем два абсолютно разных «продукта»: образ и понятие? Научно ориентированная мысль связывает это с природой и становлением человеческого сознания как высшей степени отражения.

Человек реально, объективно существует в реальном, объективном мире, универсуме, с которым он связан так называемыми «каналами связи» – органами чувств. Именно это позволяет человеку **представить** мир для того, чтобы в нем сориентироваться. Человеческий «мир», отраженный в сознании – **субъективен**, он является **представлением о мире**, и это представление уже – идеально. В отличие от реальности, оно не содержит вещественности. И именно поступающая по «каналам связи» (или органам чувств) информация, оставляющая свой «отпечаток» на человеке и в человеке – и есть сознание – то есть отраженная реальность. Сам процесс «подключения» человека к миру изучает физиология высшей нервной деятельности, основанная на учении

И. П. Павлова. Нас же интересует, когда сознание, отражая реальность, «производит» образы, а когда – понятия.

Для начала следует развести эти термины. В теоретико-познавательном аспекте понятия являются продуктом познания, отвечают сущности и принципам отражения, следовательно, считаются гносеологическими образами. «Гносеологический образ в обобщенном значении этого понятия охватывает различные виды не только чувственно-отображения (ощущения, восприятия, представления), но и теоретического познания – понятия, суждения, гипотезы, теории» [1, с. 117]. То есть **любое** отражение реальности человеком имеет в соответствующей литературе термин – **образ**. Но с точки зрения содержания и функционирования разные гносеологические образы качественно отличаются. «В случае же качественного изменения смысла понятия следует вводить новые термины» [2, с. 5]. С точки зрения содержания **образ** – это «чувственно воспринимаемый индивидуальный “представитель” определенных предметов, явлений» [3, с. 22]. По теории информации, любая информация деформируется в каналах связи. Поэтому ощущения, чувства, воспринимаемые непосредственно, всегда субъективны. **Понятия** же – противоположность собственно образа, которая «обозначает предельно абстрагированную от индивидуальных признаков сущность. Сущность как таковая вообще не может быть чувственно воспринята» [3, с. 22]. «В понятии предмет отражен не со стороны индивидуального бытия, а со стороны того общего порядка, который обуславливает все глубинные, сущностные стороны и моменты» [4, с. 17]. Понятие онтологически содержит в себе собственно образ.

И образы, и понятия рассматриваются психологией как **модели** особого рода – психические модели, а само познание – т.е. отражение мира, реальности – моделированием особого рода, или «**информационным моделированием**» [1, с. 125]. Реальность в наших ощущениях и понимании – **идеальная модель** реальности. Любые образы и понятия «обладают признаками абстрактности, обобщенности и опосредованности разных степеней и уровней» [1, с. 118]. Их соответствие реальности «неполно, приближенно, упрощенно, имеет разную степень глубины» [1, с. 118]. Любая такая модель – и образная, и понятийная – будет **интерпретировать** реальность, отражая лишь один или несколько ее аспектов. Вся разница в том, насколько адекватна модель объекту отражения – реальности.

«Система отражения в целом <...> включает в себя три компонента: “оригинал – носитель отражения – активная система”» [2, с. 8]. В нашем случае носитель отражения – человеческое сознание, включающее в себя уже и саму «модель» «оригинала» (т.е. объекта отражения), кото-

рая может так и остаться в сознании, а может быть объективирована в определенной знаковой форме; в последнем случае модель может быть воспринята другим сознанием, или «**активной системой**». В любой модели как результате отражения – или взаимодействия человека и реальности – как бы зашифрованы (закодированы) свойства как объекта (реальности), так и субъекта (сознания конкретной личности). Высшая **граница** развития доступного нам мира – интеллект (по словам Э.В. Ильенкова, «мышление есть абсолютно высший продукт развития мироздания» [5, с. 419], ибо гипотетическая более высокоорганизованная форма развития «была бы возможна только *после* мышления и на его основе» [5, с. 417] и «оказалась бы принципиально непознаваемой для мышления» [5, с. 418]). В силу своей наиболее высокой организованности эта «граница» способна отражать реальность наиболее адекватно, т.е. строить модели, наиболее приближенные к сущности объекта. Такое отражение уже не опирается на непосредственные ощущения, а **обобщает** их. Отразить объект истинно – значит наиболее полно отразить структуру всех взаимосвязей. Такое отражение называется анализом с последующим синтезом. Такая идеальная модель, не опирающаяся на непосредственные ощущения, будет выражена в понятиях, предельно абстрагированных от конкретики. Предельный аналитизм породит предельно истинную модель. Потому и не существует абсолютной истины (истинной модели бытия), что нередуцированный процесс аналитического отражения – бесконечен. А относительно истинная модель создается при **возможно предельном** (или концептуально предельном) аналитическом отражении ключевых моментов конкретного аспекта реальности. В такой модели будет наименее возможное выражение конкретного «отражателя», т.е. человека, создавшего ее. Это и есть язык науки, научное мышление. Заметим, что объективация даже понятийной модели в конкретную форму всегда чревата внесением оценочного начала. От этого полностью «застрахованы» лишь языки точных наук с их формулами, знаками и символами. Использование же естественного языка наделяет понятие «чувственностью» и пусть немного, но смещает его в сторону образа. В модели, выраженной естественным языком, даже предельно абстрактной, понятийной, всегда будет «фонить» субъект отражения – то есть конкретный человек.

« $2+2=4$ » – истинная модель, результат отражения «границей» нашего развития – интеллектом. Но даже такая банальность, как « $2+2$ », в каждом **конкретном** случае не будет равна просто четырем. В конце концов, четыре точки будут не просто четырьмя точками, а еще и лежащими или не лежащими на одной линии или в одной плоскости, а из четырех яблок одно будет зеленым, а одно – червивым и т.д. Однако эта

модель истинна. **Относительность** ее истинности **определяется еще большей степенью обобщенности**, еще большим аналитическим «охватыванием» реальности не только «вширь» но и «вглубь». Относительность же истинности **образной** модели определяется другими критериями, и «ценность» ее (модели) лежит в другой плоскости.

« $2+2=4$ » и «Я Вас любил...» – гносеологические образы, модели реальности. Только структура первой наиболее адекватна сущности, а в структуре второй сильно «присутствует» субъект отражения – автор. В последнем «отпечатке» взаимодействия реальности и человека нас интересуют не структуры реальности, а «структуры» конкретной личности, которая и создает модель. И модель эта создана автором не столько с целью познания, сколько с целью выразить себя с помощью лишь **нужных** для этой цели «структур реального мира». Художественный образ относится к собственно образам и противостоит понятию наличием субъективного (т.е. «структур субъекта отражения»). К нему критерий истинности неприменим именно в связи с особенностями его цели – духовного производства личности. К другим же **собственно образам** (т.е. моделям, исходящим из субъективного конкретно-чувственного опыта) критерий истинности приложим относительно соотношения в них объективности (абстрагированности от субъективно-эмоциональных «шумов») и субъективности. Именно такой критерий приложим к любым моделям – от образа, вызванного ощущением шероховатости предмета до сложнейших идеологических концепций.

Что же касается **художественного образа**, то это **образ, выраженный в эстетической форме**, в стиле, в конкретной знаковой системе построенный из конкретного «строительного материала», свойственно-го тому или иному виду искусства (слово, цвет, звук, движение тела и т.д.). Любой образ, знаковое отображение которого – «целостное единство всех принципов художественной изобразительности и выразительности» [6, с. 28], – это и есть **художественный образ** (отсюда: любой художественный образ, никак не выраженный, – лишь потенциальная возможность такого). Это целостное единство – и есть проявление автора, субъекта отражения реальности. Именно он (конкретная личность) «упорядочивает» жизнь по своим критериям для производства новой, т.е. субъективной – т.е. себя. Поэтому объектом любого произведения искусства является реальность, а содержанием – личность, или «образная концепция личности» [7, с. 11-22].

Критерием художественного образа является не истинность, а **художественная ценность**. С нашей точки зрения, это означает степень глубины и полноты выраженной в произведении личности по отношению к максимально возможным глубине и полноте, что, в соответствии

с теорией сознания (см., например, [4], [3]) подразумевает и эстетическое совершенство факторов выражения личности и адекватную – а может быть, и диалектически усложненную – моральную установку. Зачастую под **глубиной** образа подразумевают его **чрезмерную зашифрованность**, смешивая абсолютно разные вещи: зашифрован может быть и чрезвычайно бедный с духовной точки зрения художественный образ, что не мешает ему быть отнесенным к «элитарному» искусству. М. Элиаде пишет по этому поводу: «Если элита восхищается “Поминками по Финнегану”, атональной музыкой или ташизмом, то потому, что эти произведения являют собой замкнутые миры, герметические вселенные, куда проникают только ценой огромных усилий <...> В глазах “других”, в глазах “массы” афишируется принадлежность к некоторому тайному меньшинству» [8, с. 199]. Культуролог справедливо считает, что «гипноз недоступности, непонятности произведения искусства выдает желание обнаружить новый, тайный, неизвестный до этого смысл мира и человеческого существования. Налицо желание “инициации”, желание найти скрытый смысл этого разрушения художественного языка» [8, с. 199]. Но так как содержание (личность) может быть воспринято лишь через его объективацию посредством выраженной в знаках модели **реальности**, полный разрыв с последней приводит к невозможности «раскодирования» произведения, к «разрушению связей с реципиентом-потребителем, ибо отсутствует основа – пересечение опыта восприятия мира художника и потребителя его продукции» [2, с. 12]. Нам представляется, что модная в течение последних ста лет полемика по поводу гениальности подобных произведений закономерно когда-нибудь будет вытеснена еще более глубоким осмыслением сказки Х.К. Андерсена «Новое платье короля».

Таким образом, у разных форм гносеологического образа, у разных моделей – разное содержание, разные функции и разные критерии их оценки. Сознание человека, отражая реальность, с помощью собственных образов «соотносит» человека с миром, приспосабливает первого к последнему, с помощью понятий – приспособливает последний к первому, т.е. дает возможность преобразовать и приспособиться к уже преобразованному. Искусство же в художественных образах позволяет человеку духовно самоопределиться (см. об этом подробнее [3, с. 74-75], что относится, конечно же, к приспособлению и отвечает сущности собственно образного, конкретно-чувственного познания мира, предстающего в этой модели перед нами с преобладанием «структур», принадлежащих не «источнику», а «носителю отражения».

Получается, что понятийная, аналитическая модель наиболее истинно отражает сущность, а образная модель более «наполнена», т.к. в

ней есть и **конкретные** проявления сущности (поэтому, по словам Нильса Бора, пока только искусство способно «напомнить нам о гармониях, недостижимых для аналитического анализа» (цит. по [9, с. 308])).

Для наиболее полного и адекватного отражения реальности (или «идеальности», которая также может быть объектом отражения) «границы» нашего развития – интеллект – недостаточно: отраженный границей (плоскостью) «объемный», многомерный (точнее – «бесконечномерный») объект или моделируется в своих сущностных, ключевых моментах или (для полного отражения) моделируется бесконечно. Наиболее полное и адекватное отражение – не «границей», а «степенью» нашего развития, то есть «объемом», от «начала» до «границы», – т.е. **духом** (здесь это слово употреблено не в узурпированном за последние годы институтами церкви смысле, а в «нормальном», философском смысле, где **духовность** не сводится к религиозности). А это уже значит – не тотальным (или выборочным) абстрактным анализом, не образами, которые «не дотягивают» до границы сознания, а **философским мышлением**, которое все-таки не является тождественным анализу, а включает в себя под его «руководством» еще и доаналитические, образные уровни отражения, «схватывающие» так называемую «непознаваемость вещи в себе». Философия «представляет собой как бы вид с высоты. Она позволяет *составить целостное представление о мире, о его закономерностях и взаимосвязях*. <...> Иначе говоря, философское (а вместе с ним и художественное) мышление призвано дополнять наше знание о мире до целостности» [10, с. 19]. Именно к такому типу «отражения» действительности должны, по нашему мнению, стремиться гуманитарные науки. Ведь любая модель реального мира (т.е. уже **производное** человеческого сознания – например, роман или художественный фильм) сама может стать объектом – в одном случае адекватного ее отражения (познания), в другом – субъективного, образного моделирования, перевода одних образных моделей в другие, зачастую – в ущерб оригиналу (интерпретации).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Тюхтин В.С. Отражение, системы, кибернетика. М.: Наука, 1972.
2. Тюхтин В.С., Ларкин Ю.В. Содержание и форма в искусстве. М.: Знание, 1984.
3. Андреев А.Н. Культурология. Личность и культура. Минск: Дизайн ПРО, 1998.
4. Егоров А.В. Диалектика сознания. Минск: Минский радиотехнический институт, 1993.
5. Ильенков Э.В. Философия и культура. М.: Политиздат, 1991.

6. Поспелов Г.Н. Проблемы литературного стиля. М.: Издательство Московского университета, 1970.
7. Андреев А.Н. Целостный анализ литературного произведения. Минск НМЦентр, 1995.
8. Элиаде М. Аспекты мифа / 2-е изд., испр. и доп. М.: Академический Проект, 2001.
9. Шубников А.В., Копчик В.А. Симметрия в науке и искусстве. М.: Наука, 1972.
10. Волков Г.Н. У колыбели науки. М.: Молодая гвардия, 1971.

ЭКСПРЕССИВНОСТЬ КАК ВАЖНЕЙШАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ТЕКСТОВ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

EXPRESSIVITY AS THE MAJOR CHARACTERISTIC OF ECOLOGICAL DISCOURSE

О.А. Рипинская

O.A. Ripinskaya

Белорусский государственный университет

Минск, Беларусь

Belarusian State University

Minsk, Belarus

e-mail: thepankiot@gmail.com

В статье раскрываются основные экспрессивные языковые средства, служащие маркерами экологического дискурса. Автор проводит анализ таких тропов, как метафора, сравнение, а так же экспрессивность как совокупность текстовых характеристик. Проводится исследование текстовых характеристик, позволяющих говорить об уникальности приемов, характеризующих экологический дискурс.

The main expressive language means, which serve as markers of ecological discourse, are revealed in the article. The author carries out the analysis of such tropes as metaphor, comparison, as well as expressiveness as a set of text features. The study of the features of the text that allow to talk about the uniqueness of the devices characterizing the ecological discourse is carried out.

Ключевые слова: экологический дискурс; экспрессивность.

Keywords: ecological discourse; expressivity.

В наши дни экологическая проблематика всё чаще освещается и активно обсуждается. Привлечение внимания к вопросам защиты окружающей среды от воздействия факторов человеческой жизнедеятельности и актуализация экологической проблематики в целом стали отправной точкой для формирования отдельного типа дискурса –